

А. Б. Куделин¹

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЗАПАДА И ВОСТОКА В XIX ВЕКЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Тема литературных взаимосвязей издавна отмечена повышенным вниманием мировой компаративистики,

¹ Директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, профессор кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук. Автор около 200 научных исследований, в т. ч. монографий «Классическая арабо-испанская поэзия (конец X — середина XIII в.)», «Средневековая арабская поэтика (вторая половина XIII — XI в.)», «Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи».

Председатель редакционного совета журнала «Восточная коллекция», редакционных коллегий книжных серий «Литературные памятники» и «Памятники письменности Востока» РАН. Член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. Лауреат премии РАН им. А. Н. Веселовского.

то есть специалистов по сравнительному изучению литературы. Отдавая приоритет в своих научных поисках решения поставленных проблем, конкретных вопросов то вектору Восток–Запад, то вектору Запад–Восток, ученые не сразу осознали, что в оппозиции Восток–Запад важны оба вектора. И что только при равном исследовательском интересе к обоим векторам, то есть при интерпретации связей как взаимосвязей и взаимодействия Востока и Запада, можно получить адекватные представления о мировом литературном процессе в ту или иную эпоху. Напомню в связи с этим слова академика Николая Иосифовича Конрада, сказанные более полувека назад, в 1959 году. Отметив тот факт, что литературоведы стран Востока превосходно понимают

значение проникновения в их страны в XVII–XIX веках литератур Запады, он настаивал: «Связи были обоюдными, а в работах западных литературоведов этот факт не учтен в надлежащей мере при анализе процесса развития литературы в указанные века. “Западно-восточный диван” Гёте известен и изучен, но оценен ли в достаточной мере сам факт обращения немецкого поэта к Востоку не только в очень серьезный момент его собственной творческой биографии, но и в крайне важный момент всей истории новой европейской литературы — момент перехода от литературы эпохи Просвещения к литературе капиталистической эпохи?»¹

Отсылка в этом высказывании Конрада к Иоганну Вольфгангу фон Гёте (1749–1832) весьма знаменательна, потому что именно великий немецкий поэт в начале XIX века, как никто прежде, стремился на примере своего творчества показать значимость литературного наследия Востока для Запады. В мае 1815 года он писал одному из своих корреспондентов: «Я давно уже занимался в тиши *восточной литературой* (курсив мой. — А. К.) и, чтобы глубже познакомиться с нею, сочинил многое в духе Востока. Мое намерение заключается в том, чтобы непринужденным образом соединить Запад и Восток, прошлое и настоящее, персидское и немецкое, так, чтобы нравы и способы мыслить проникали друг в друга»². Почему я об этом говорю? Дело в том, что в нашем сознании достаточно часто всплывают слова Редьярда Киплинга, а именно: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд». Гётевские слова прямо противоречат тому, что говорил Киплинг. И мне думается, что нам ближе все-таки позиция Гёте...

Итак, в 1815 году Гёте говорил о том, что хотел бы многое сочинить в духе Востока. Рецензент «Западно-восточного дивана», первое издание которого вышло в свет в 1819 году, знаменитый Людвиг Козегартен — очень хороший востоковед, уточняет: «“Диван” содержит в первой своей части, по преимуществу относящейся к мусульманскому Востоку, западно-восточные поэтические создания, т. е. отчасти излагающие восточный материал в западных формах, отчасти же западный материал в формах восточной поэзии»³.

Обращение Гёте к Востоку не было неожиданным, поскольку основания для этого были заложены и в практическом, и в теоретическом философском плане задолго до времени жизни поэта. Известный российский исследователь, специалист по немецкой литературе Сергей Васильевич Тураев говорил: «Идеи Гёте падали на подготовленную почву: процесс их формирования начался еще в XVIII веке и в какой-то мере наметился даже раньше, в конце XVII века»⁴. И здесь

¹ Конрад Н. И. Проблемы современного сравнительного литературоведения (1959) // Конрад Н. И. Запад и Восток : ст. 2-е изд., испр. и доп. М., 1972. С. 301–302.

² Цит. по: Михайлов А. В. «Западно-восточный диван» Гёте: смысл и форма // Гёте И. В. Западно-восточный диван. М., 1988. С. 713.

³ Козегартен И. Г. Л. Рецензия «Западно-восточного дивана» Гёте // Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 502. (Рецензия опубликована в 1819 г.)

⁴ Тураев С. В. Гёте и формирование концепции мировой литературы. М., 1989. С. 5.

прежде всего следует напомнить о выдающейся роли Иоганна Гердера (1744–1803), в трудах которого дается философское осмысление непреходящей идейно-эстетической ценности культуры Востока, разрабатываются концептуальные основы понятия «мировая литература», в частности, положение о литературной автономии и равенстве, самостоятельности развития литератур при их взаимодействии друг с другом. Сказанное, впрочем, нисколько не умаляет заслуг современника и последователя идей Гердера — Гёте, приложившего немало стараний для освоения пропаганды наследия Востока в западноевропейской литературной практике и сформулировавшего позднее само понятие «мировая литература»⁵.

В 1827 году, опираясь на опыт работы над «Западно-восточным диваном», Гёте дает толкование условиям, которые, по его мнению, необходимы для возникновения данного понятия. Цитирую Гёте: «То, что я именую всемирной литературой, возникает по преимуществу тогда, когда отличительные признаки одной нации будут выравнены через посредство ознакомления с другими народами и суждения о них»⁶.

В работах многочисленных исследователей определены этапы становления гётевской концепции мировой литературы, ее основные положения и непростая судьба в истории мировой культуры⁷. Понятие «мировая литература» впервые встречается в разговоре Гёте с И. П. Эккерманом, его секретарем, 31 января 1827 года. Есть даже специальный труд И. П. Эккермана «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни». А четыремя днями ранее Гёте писал в Берлин советнику Штепфусу: «Я убежден, что формируется мировая литература, и что все нации тяготеют к этому и поэтому предпримут дружеские акции». В подборке высказываний Гёте 20 раз встречается понятие «мировая литература»⁸. Однако труд Эккермана был опубликован через четыре года после смерти Гёте, поэтому потребовалось значительное время, чтобы его концепция мировой литературы стала достоянием мирового литературоведения.

Я хотел бы уточнить, что понимается в настоящее время под термином «мировая литература». Например, словацкий специалист Д. Дюришин видит три значения этого термина. Первое — совокупность истории отдельных национальных литератур, второе — избранное всего самого значительного, что создано в недрах национальных литератур, и третье — общность взаимосвязанных или аналогичных для всех литератур творений⁹. Последнее — гётевское понимание.

Известно, что интерес к Востоку, восточной литературе, прежде всего арабской и персидской, появил-

⁵ Подробнее см.: Брагинский И. С. Западно-восточный синтез в «Диване» Гёте // Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 572–573; Тураев С. В. Указ. соч. С. 51–53.

⁶ Цит. по: Михайлов А. В. Указ. соч. С. 668. Подробнее об этом см.: Тураев С. В. Указ. соч. С. 4.

⁷ Укажем лишь некоторые работы отечественных ученых: Кессель Л. М. Гёте и «Западно-восточный диван». М., 1973; Брагинский И. С. Указ. соч.; Михайлов А. В. Гёте и поэзия Востока // Восток–Запад. М., 1985. Сб. II; Он же. «Западно-восточный диван» Гёте...; Тураев С. В. Указ. соч. В них же можно найти библиографические отсылки к трудам зарубежных ученых.

⁸ Тураев С. В. Указ. соч. С. 4.

⁹ Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979. С. 83.

ся у Гёте задолго до выхода в свет «Дивана» и подогревался общей филоориенталистической атмосферой того времени, то есть атмосферой любви к Востоку. Увлечение Гёте Востоком было столь велико, что распространялось даже на арабскую каллиграфию. В «восточных бумагах Гёте» содержится характерная запись, относящаяся к 1817 году. Цитирую: «Поскольку же искусство письма столь значимо на Востоке, то едва ли кто сочтет странным, что, не особенно занимаясь языками, я весьма прилежал каллиграфии, в шутку и всерьез воспроизводя со всем тщанием восточные манускрипты из числа доступных мне»¹.

Вообще же арабское искусство письма, к которому Гёте относился со всей серьезностью, во многом отразилось в «Западно-восточном диване». Так, еще 23 января 1815 года Гёте писал Фридриху Кристофу Шлоссеру об арабской культуре: «Наверное, ни в одном языке дух, слово и письмо не складываются столь изначально в единое тело»². Данное представление немецкий поэт попытался реализовать во время первого издания «Дивана» в 1819 году.

Впрочем, здесь следует сказать, что к филоориентализму Гёте в значительной мере склоняли авторитетные предшественники. В связи с этим среди многих имен одним из первых необходимо назвать востоковеда Йозефа фон Хаммера (1774–1856). Его 6-томный фундаментальный труд «Сокровищницы Востока» (Вена, 1809–1818), полный перевод «Дивана» Хафиза (1813), «История изящных риторических искусств Персии» (1818) и прочие труды по истории литературы Востока в тот период оказали большое влияние на автора «Западно-восточного дивана»³.

Так, известно, эпиграф Й. Хаммера к «Сокровищницам», заимствованный из Корана, определил очень многое в произведении Гёте, после чего стал его лейтмотивом, ибо оказался совершенно созвучен умонастроению немецкого поэта в тот период. На обложку труда Й. Хаммера прямо вынесена цитата из Корана: “Sag: Gottes ist der Orient, und Gottes ist der Occident; Er leitet, wen er will, den wahren Pfad” (в переводе с немецкого: «Скажи: “Богов — Восток, и Богов — Запад; кого хочет, он ведет правую стезю”»⁴).

¹ Гёте И. В. Западно-восточный диван. Из восточных бумаг Гёте. С. 450. Известно, что некоторые восточные рукописи Гёте выписывал из Веймарской библиотеки (Там же. Примечания. С. 851). Стихи (айаты) Корана, переписанные Гёте, и другие его опыты в арабской графике приводятся в различных изданиях «Дивана».

² Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 649. Позднее данная идея Гёте получила развитие в мировой науке (подробнее см.: Михайлов А. В. «Западно-восточный диван» Гёте... С. 650; Куделин А. Б. Средневековая арабская графическая культура: от образных фигур к рисуночному письму // Арабская литература: Поэтика. Стилистика. Типология. Взаимосвязи. М., 2003).

³ Статью и заметки Гёте о Хаммере, а также содержательный комментарий А. В. Михайлова см.: Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 321–324; Там же. Из восточных бумаг Гёте. С. 462–464; Там же. Примечания. С. 804–805, 851 и др. А. В. Михайлов, в частности, замечает, что «История изящных риторических искусств Персии» дала «решающий импульс к завершению» «Западно-восточного дивана» (Там же. С. 851).

⁴ Перевод А. В. Михайлова (Гёте И. В. Западно-восточный диван. Примечания. С. 727); ср. с современным переводом с араб. (Коран: 2: 142): «Скажи: “Аллаху принадлежит и восток и запад, Он ведет, кого хочет, к прямому пути!”» (Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986). Важные замечания в этой связи см.: Брагинский И. С. Указ. соч. С. 581, 584.

Воздействие Й. Хаммера сказалось и на внешнем оформлении сочинения Гёте. Упомянутый выше труд австрийского ученого, помимо немецкого названия “Fundgruben des Orients” («Сокровищницы Востока») на титульном листе, имел на отдельном листе и пышный арабский титул, составленный в духе классической восточной традиции, с использованием рифмованной, ритмизованной прозы:

«Махзан ал-кунўз ал-машрикиййа
ва-ма’дин ар-румўз ал-аджнабиййа»⁵.

(«Хранилище восточных сокровищ и кладезь чужеземных символов».)

Гёте последовал этому примеру и также дал своему сочинению два титула — немецкий “West-oestlicher (по изданию 1819 г., позднее — östlicher) Divan” («Западно-восточный диван») и арабский:

«Ад-Диван аш-шаркий
ли-л-му’аллиф ал-гарбиййа»⁶.

(«Восточный диван // западного сочинителя».)

Итак, у «Западно-восточного дивана» Гёте в издании 1819 года было два титула, причем, с его точки зрения, равноценные, и два начала. Вы знаете, что арабская книга открывается не так, как европейская: письмо по-арабски идет справа налево, а не слева направо, поэтому есть и другой титул, которым книга открывается как бы «с конца».

Итак, у труда Гёте был арабский титул: «Восточный диван западного сочинителя». Не трудно заметить, что ни в первом, ни во втором случае арабский титул не тождествен немецкому. То есть ни у Хаммера, ни у Гёте нет тождества в двух названиях. Причем Хаммер прекрасно знал арабский и персидский, и он сознательно выбирал такой титул, Гёте знал арабский несколько хуже, но он, тем не менее, консультировался с востоковедами. Вы знаете, что когда происходит адаптация иностранных произведений, то названия могут изменяться. От наблюдения, что титулы не совпадают, как от исходной точки, хочется двинуться дальше и задаться вопросом: «Каковы были вообще возможные пределы и качественные характеристики взаимного перевода, точнее говоря, взаимодействия литературных традиций Запада и Востока во времена Гёте?»

Здесь необходимо рассмотреть выдвинутое в свое время Иосифом Самойловичем Брагинским положение, согласно которому «публикация в 1819 году “Западно-восточного дивана” Гёте свидетельствовала о формировании в Новое время интереснейшего в мировой культуре явления западно-восточного литературного синтеза»⁷. В рамках такого понимания и в самом строгом смысле слова «синтез» Гёте, согласно ученому, выступает в «Западно-восточном диване» «уже не сторонним наблюдателем, а творческим продолжателем».

⁵ Наша разбивка названия на две строки соответствует арабскому титулу труда Й. Хаммера. Жирным шрифтом выделены рифмовые клаузулы в арабском названии, составляющие один из двух конститутивных элементов (наряду с изометричностью строк текста) поэтики рифмованной, ритмизованной прозы (садж’а).

⁶ И в данном случае разбивка названия на две строки соответствует арабскому титулу труда Гёте. Жирным шрифтом также выделены рифмовые клаузулы.

⁷ Брагинский И. С. Указ. соч. С. 572. Впервые мнение было высказано ранее, до русского издания «Дивана».

телем высших достижений восточной, и прежде всего фарсиязычной, поэтики»¹. С этим мнением во многом солидарен превосходный знаток творчества Гёте и один из издателей русского перевода «Дивана» (совместно с И. С. Брагинским) Александр Викторович Михайлов: «Очень правильно говорить о “синтезе” западного и восточного начал в гётевском “Диване” (И. С. Брагинский), о неповторимом соположении немецкой и персидской поэзии и взаимопроникновении, слиянии их принципов»².

Высказанное И. С. Брагинским положение возвращает нас к необходимости изучения взаимосвязей, взаимодействия литератур Запада и Востока, при равноценном внимании к обоим векторам: Восток–Запад, Запад–Восток.

Посмотрим, насколько положение о западно-восточном литературном синтезе в указанном выше толковании соответствует имеющимся в нашем распоряжении фактам.

Благодаря трудам востоковедов его времени, в сфере внимания Гёте в «Западно-восточном диване» оказались арабские авторы (в алфавитном порядке): Амр ибн Кулсум (VI в.), Антара (вторая половина VI в.), ал-Аша (ум. ок. 629), Джамил (ум. ок. 701), Зухайр ибн Аби Сулма (VI в.), Имруулкайс (VI в.), Лабид (ум. в 661 г.), Лукман³, Маджнун (Кайс ибн ал-Мулаввах) (VII в.), ал-Мутанабби (915–965), Таабата Шарран (VI–VII вв.)⁴, Тарафа (VI в.), ал-Харис ибн Хиллиза (VI в.), Хатим ат-Таи (вторая половина VI в.), а также «семь основных», по характеристике И. Г. Л. Козегартена, фарсиязычных поэтов⁵: Фирдоуси (ок. 940 — ок. 1020), Анвари (ум. ок. 1190 г.), Низами (ок. 1140–1209), Руми (1207–1273), Сади (Саади) (ок. 1213–1219 — 1292), Хафиз (ок. 1317–1326 — ок. 1389–1390), Джами (1414–1492), к которым необходимо добавить также Унсури (ум. в 1039 г.) и Хакани (ок. 1106–1199).

Из данного списка явствует, что от самого раннего из перечисленных авторов создателя «Западно-восточного дивана» отделяли более 1200 лет, а самого позднего — добрых 300 лет. То есть Гёте, создавая подражание восточной поэзии, опирается на лучших представителей арабской и персидской поэзии классического периода. И другие европейские писатели, поэты той эпохи любви к Востоку также обращались к восточным авторам, отстоявшим от них на не менее солидную временную дистанцию. Востоковед В. Фрей-

¹ Брагинский И. С. Указ. соч. С. 574.

² Михайлов А. В. Гёте и поэзия Востока. С. 85. Эта мысль с разными оттенками неоднократно повторяется в данной работе (С. 116, 118 и др.). В содержательной статье в русском издании «Дивана» А. В. Михайлов предпочитает, однако, говорить несколько иначе: «Гётевский “Восток” — это “эксперимент”», «аналитическими приемами достигнутый творческий синтез» (Михайлов А. В. «Западно-восточный диван» Гёте... С. 613).

³ Легендарный древний мудрец, который упоминается в Коране. Лукману приписываются изречения, поговорки и басни (подробнее см.: Мудрость Хикара и басни Лукмана / предисл. И. Ю. Крачковского. СПб., 1920. С. 5–13; Пиотровский М. Б. Лукман // Ислам: энцикл. словарь. М., 1991. С. 147–148).

⁴ В начале XIX века в Европе уже было известно, что самое известное его произведение, о котором говорится в «Диване», приписывали и другому автору — поэту и знатоку (*рави*) древней поэзии Халафу ал-Ахмару (ум. ок. 796) (Козегартен И. Г. Л. Указ. соч. С. 511).

⁵ Там же. С. 514.

таг (1788–1861) перевел на латинский язык знаменитую поэму (касыду) Таабата Шаррана, поэт Ф. Рюккерт (1788–1866) издал в переводе на немецкий макамы («плутовские» новеллы) ал-Харири (1054–1122). А. Ламартин (1790–1869) в своем «Путешествии на Восток» (1835) с восторгом отзывается о средневековом народном романе «Жизнеописание Антара» (доисламского поэта). И позднее И. Тэн (1828–1893) в «Философии искусства» (1865–1869) восхищается этим же героем⁶. И подобные примеры можно было бы продолжать достаточно долго.

Здесь необходимо особо подчеркнуть, что в то же время европейцы-прагматики, не причастные к сфере художественного творчества, напротив, испытывали неподдельный интерес к современному им Востоку и его представителям. Интерес этот был настолько велик, что нам не покажутся преувеличением слова француза Клот-бея, личного врача Мухаммеда Али — человека, возглавившего Египет в начале XIX века, после экспедиции Бонапарта: «Никогда сочинение о Египте не могло быть так своевременно, как теперь, когда и нынешнее состояние Египта, и его будущее составляют предмет ежедневных разговоров и обращают на себя внимание целой Европы»⁷.

Итак, можно констатировать, что европейские писатели вплоть до середины XIX века, когда искали вдохновение на Востоке, обращались прежде всего исключительно к литературным шедеврам восточного Средневековья. Широкое распространение ориентальных мотивов в их художественном творчестве было обязательно главным образом формировавшемуся в тот период в европейских странах романтизму. «Деловая» Европа в тот же период испытывала практический интерес к Востоку, стимулировавшийся во многом нуждами колониализма, колониальной экспансии, и поэтому желала быть непосредственным свидетелем и участником наиболее значительных событий Нового и Новейшего времени.

Но вернемся к идее западно-восточного литературного синтеза и зададимся вопросами: «Адекватно ли понимались европейцами в начале XIX века классические литературные произведения Востока? Возможно ли было в ту пору верное изложение европейскими авторами “восточного материала в западных формах”?» Я, естественно, не собираюсь здесь кого-то разоблачать и говорить, что Гёте не понимал Востока, не в этом дело. Всем понятно, что Гёте — это гений мировой литературы, чьи произведения есть вклад в мировую сокровищницу. Речь сейчас о другом: насколько Гёте понимал Восток, думая, что он понимает его? Причем здесь нет ничего обидного для Гёте, и нет желания как-то принизить немецкого автора. Напомним, что Гёте сам думал, что сочиняет «в духе Востока» с намерением «соединить Запад и Восток, прошлое и настоящее <...> чтобы нравы и способы мыслить проникали друг в друга». То есть практически осуществлял «выравнивание отличительных признаков одной нации <...> через посредство ознакомления их с другими

⁶ Подробнее см.: Крымский А. Е. История новой арабской литературы (XIX — начало XX в.). М., 1971. С. 51, 59, 60–61.

⁷ Клот-бей А. Египет в прежнем и нынешнем состоянии : в 2 ч. СПб., 1842. Ч. 1. С. IV.

народами» и тем самым способствовал созданию условий для формирования «мировой литературы»¹.

Конечно же, отношение к Востоку у Гёте во многом обуславливалось уровнем востоковедных штудий его времени². Гёте, хотя и изучал арабский, но, естественно, не мог читать очень сложные произведения средневековой арабской и тем более персидской литературы в оригинале. Поэтому он опирался на труды своих современников-востоковедов. Надо сказать, что и немецкая, и английская востоковедные школы в то время, так же как и русская, были одними из лучших в мире, и у них были замечательные достижения. К примеру, 6-томный труд Хаммера, о котором я говорил, явился как раз достижением западноевропейского востоковедения и открыл европейцам глаза на восточную литературу. Работа Гёте опиралась на востоковедные штудии, соответственно его уровень представлений о Востоке определялся во многом ими³. Это были историко-культурные штудии, собственно филологические, литературоведческие и литературные. Из них Гёте черпал фактический материал для исторической части «Западно-восточного дивана». Там есть как бы исторические экскурсы в культуру, историю, литературу народов Востока — не только арабов, персов, но и китайцев, и древних евреев и прочих, переводы, биографические сведения и т. д.

Как и в случае с историко-культурными исследованиями, автор «Дивана» обязан востоковедам своего времени не только значительными достоинствами, но и определенной исторически обусловленной ограниченностью своего сочинения. О достоинствах произведения хорошо известно. Главный же из признаков ограниченности очевиден: стадийные типологические расхождения и даже несовместимость средневековой литературы Востока и европейской литературы

¹ С. С. Аверинцев дал, как нам представляется, хороший импульс для продолжения поисков в этом направлении. Вслед за немецким поэтом исследователь определил два полюса, в сфере воздействия силовых линий которых находится концептуальная основа гётевского понимания «мировой литературы»: при высшем возможном для его эпохи уровне чуткости к разнообразию цивилизаций немецкий поэт одновременно сохраняет непосредственное ощущение нерелятивизируемого единства человечества (подробнее см.: *Аверинцев С. С. Гёте и Пушкин // Аверинцев С. С. Собр. соч. Связь времен. Киев, 2005. С. 271, 275 и др. Первая публикация — 1999*).

² Подробнее о востоковедных исследованиях, с которыми был знаком Гёте, см.: *Гёте И. В. Западно-восточный диван. Примечания. С. 766–767*.

³ Гёте в частных деталях истории и культуры Востока не всегда был на уровне современного ему востоковедения, что вызывало критические отзывы специалистов (см.: *Михайлов А. В. «Западно-восточный диван» Гёте... С. 642–645*). Иногда, впрочем, в ряде важных вопросов он оказывался дезориентирован, быть может, именно профессиональными востоковедами. Не отсюда ли, например, ведет свое происхождение известная непоследовательность Гёте в интерпретации роли Мухаммеда. В «Диване» можно найти и достаточно взвешенную позицию по отношению к мусульманскому пророку (*Гёте И. В. Западно-восточный диван. Магомет. С. 163–168*), и плохо сочетаемые с ней слова о Магомете, который «набросил <...> мрачные покровы религии на жизнь арабов и сумел скрыть от них всякую перспективу более чистого развития» (*Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 143–144*). Попутно заметим в связи с этим, что и современные востоковедные штудии не всегда дают безошибочные оценки и сведения: некоторые из них стали источником ряда фактических неточностей, досадных недочетов и противоречий в комментариях к русскому изданию «Дивана» (1989).

начала XIX века, не осознававшиеся провозвестниками европейского романтизма. Действительно, когда Гёте пишет в «духе Востока» и опирается на восточные произведения, отделенные от него дистанцией в 1 тыс. и более лет, то, сами понимаете, здесь может быть неполное понимание этих произведений. Арабские, персидские образцы, к которым апеллировал Гёте, создавались в лоне иного типа художественного сознания, подчинялись иным поэтологическим требованиям⁴, следовали иным философским системам и, как следствие, зачастую имели иную смысловую интерпретацию, чем та, которую им предлагал, опираясь на современные ему востоковедные труды, автор «Дивана». Сказанное, конечно же, никоим образом не принижает значение гётевских шедевров из «Западно-восточного дивана», а только заставляет лишний раз подумать о том, что их «восточность» имеет вполне определенную «европейскость». Это европейские произведения, в отношении которых во многих случаях было бы вернее говорить не о синтезе литературных традиций Востока и Запада, а об ориентальных элементах, играющих по большей части роль восточного флера.

Приведу несколько примеров. В «Западно-восточном диване» у Гёте очень много говорится о любви у арабов и персов. Естественно, он опирается на средневековые произведения и соответственно пытается воспроизвести их «дух» на европейской почве. Средневековые арабские и персидские произведения, на которые он опирается, основываются на так называемом кодексе узритской, возвышенной любви, и есть круг авторов, писавших в рамках этого кодекса в арабской и персидской поэзии. Самый кодекс и даже упоминание арабского племени бану узра не встречается у Гёте, хотя узриты как таковые были известны в его эпоху⁵. У Гёте из перечисленных выше арабских авторов к поэтам-узритам принадлежат Маджнун и Джамил, которые в сочинении немецкого поэта рассматриваются наряду с другими парами восточных влюбленных, являющими собой «образцы безграничной любви»⁶: Рустам — Рудоба, Юсуф — Зулейха, Ферхад — Ширин, Меджнун (Маджнун) — Лейла (Лайла), Джемил (Джамил) — Ботейна (Бусайна), Соломон —

⁴ Трудов на данную тему опубликовано великое множество. Считаю возможным ограничиться отсылкой читателя к неустаревшим и по сей день книгам: *Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971; Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974; Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994*.

⁵ Козегартен говорит о них как о племени, заслужившем «среди арабов, преимущественно перед всеми, имени сынов любви» (*Козегартен И. Г. Л. Указ. соч. С. 506*). Позднее узриты стали широко известны в Европе благодаря относительно позднему стихотворению Гейне «Der Asra» (1846), не выходящему, впрочем, за пределы более ранних европейских представлений. Произведение завершается такими строками:

Und der Sklave sprach: Ich heiße
Mohamet, ich bin aus Yemmen,
Und mein Stamm sind jene Asra,
Welche sterben, wenn sie lieben.
И ответил раб: «Зовусь я
Мохаммед. Моя отчина —
Йемен. Я из рода Азров —
Тех, кто гибнет, если любит».

Перевод В. Левика

⁶ *Гёте И. В. Западно-восточный диван. Из восточных бумаж Гёте. С. 448*.

царица Савская¹. В средневековой арабской традиции Маджнун, Джамил и два других поэта, не упоминаемые Гёте, Кайс ибн Зарих (ок. 626–689) с возлюбленной Лубной и Кусайири (ок. 660–723) с возлюбленной Аззой составляют ядро узритской газели, основой которой является воспевание возвышенной, целомудренной любви.

Теоретическое обоснование узритской любви принадлежит теологу Ибн Дауду ал-Исфахани (ок. 868–910), создавшему в «Книге цветка» «первую поэтическую систему платонической любви». Ибн Фарадж ал-Джаййани (ум. в 976 г.) написал в подражание «Книге цветка» свой труд «Книга садов». Особую известность получило сочинение знаменитого арабского ученого и литератора Ибн Хазма (994–1064) «Ожерелье голубки», содержащее подробное изложение представлений об узритской любви².

Произведения узритской лирики рисуют образ влюбленного, неукоснительно следующего в своем поведении кодексу возвышенной любви. Этот кодекс, согласно Ибн Хазму, гласит: любовь — это обессиливающий, но желанный недуг, любовь — это радость и страдание, любовь — это рабство, любовь — это жизнь. Поэтому влюбленный должен быть рабски покорным своей возлюбленной, беззаветно преданным обету любви даже в том случае, если возлюбленная нарушила его, довольствоваться даже самыми незначительными знаками внимания со стороны возлюбленной, сохранять тайну любви, пренебрегать наветами клеветников и завистников, старающихся опорочить его возлюбленную, проявлять стойкость и долготерпение в естественных бедах, выпадающих на долю в разлуке с любимой³.

У фарсиязычных поэтов узритский кодекс любви сравнительно рано переосмысливается в свете положений суфийской доктрины и приобретает новые по сравнению с узритами обертоны, что существенно усложняет интерпретацию их произведений. Знакомство с «Диваном» показывает, что Гёте, как и его современники востоковеды, в начале XIX века еще не имели достаточно определенных представлений о кодексе узритской любви, суфийской доктрине и их отражении в произведениях арабских и персидских поэтов.

В связи с этим рассмотрим пример из «Дивана» Гёте — стихотворение “Geheimstes” («Самое сокровенное»), включенное в «Эшк-наме» («Книгу любви») (Usch [1819; позднее исправлено: Uschk] Nameh. Buch der Liebe). Оно завершается четверостишием:

Darum war’s der höchste Jammer
Als einst *Medschnun* sterbend wollte
Daß vor Leila seinen Namen

¹ Подробнее см.: *Козегартен И. Г. Л.* Указ. соч. С. 505–507. Написание восточных имен в европейских трудах со времени Гёте сильно изменилось. Имя возлюбленной Маджнуна (Меджнуна) разнится в зависимости от принадлежности к арабской (Лайла/Лейла) или фарсиязычной (Лайли/Лейли) традиции.

² Теория платонической любви у арабов и ее распространение в мире ислама рассматривается в работах западноевропейских исследователей (подробнее см.: *Куделин А. Б.* Классическая арабо-испанская поэзия (конец X — середина XII в.). М., 1973. С. 80–83 и др.). Произведение Ибн Хазма переведено на русский: *Ибн Хазм.* Ожерелье голубки / пер. с араб. М. А. Салье; под ред. И. Ю. Крачковского; предисл. Е. Э. Бертельса. М., 1957.

³ *Куделин А. Б.* Классическая арабо-испанская поэзия. С. 81–82.

Man forthin nicht nennen sollte.
Был предсмертный крик Меджнуна
Криком боли нестерпимой:
«Вы мое забудьте имя
Пред Лейли, моей любимой».

Перевод В. В. Левика⁴.

Я не буду повторять исследователей, которые это гениальное произведение Гёте расшифровали, выяснили, кто и что имеется там в виду, — это особая специальная проблема, которой занимаются биографы⁵. Обращу внимание лишь на одну деталь в приведенном четверостишии, выявляющую, тем не менее, существенные расхождения в понимании восточной любви немецким поэтом и таким образцовым для Гёте фарсиязычным поэтом, как Низами. Гёте знал поэзию Низами, называл его среди лучших фарсиязычных поэтов, но произведения Низами тогда еще не были переведены, и Гёте, конечно, не знал того отрывка, который я вам сейчас прочту. Приведу для сопоставления отрывок из поэмы Низами, в которой Маджнун совершает прямо противоположное тому, что следовало бы делать, согласно логике европейского Маджнуна и «Западно-восточного дивана».

Я даю построчный и поэтому очень точный перевод:

Однажды из тех степей, прибежища напастей,
Он пришел в края, где жила подруга.
Увидел сотворенное каламом верности —
«Лайли Маджнун» написано вместе.
Он вонзил ноготь и поскреб тот листок,
Оставил себя и стер подругу.
Очевидцы спросили: «Что это значит,
Что из двух начертаний [лишь] одно к месту?»
Он сказал: «Пусть лучше исчезнет одна надпись,
Ведь для нас двоих довольно и одной надписи.
Если всмотреться во влюбленного,
Из него проступит возлюбленная».
Спросили: «Почему внутри
Скрыта она, а виден ты?»
Он сказал: «Для меня негоже,
Чтобы потерявший сердце был орехом,
а она — скорлупой,
Лучше, чтобы я был завесой для подруги,
Или был скорлупой ореха»⁶.

Напоминаю, у Гёте было: «вы мое забудьте имя, пред Лейли, моей любимой». А, согласно Низами, он оставил свое имя и стер имя подруги. Если бы Гёте прочитал такую вещь, как бы он поступил?

Маджнун у Низами совершает действия, объяснимые в рамках суфийской интерпретации кодекса узрит-

⁴ *Гёте И. В.* Западно-восточный диван. С. 36.

⁵ Содержательный комментарий А. В. Михайлова к стихотворению см.: *Гёте И. В.* Западно-восточный диван. Примечания. С. 737–739.

⁶ *Низами.* Лайли и Маджнун / введ., пер. с перс. и коммент. Н. Ю. Чалисовой, М. А. Русанова. М., 2008. С. 412. «Сотворенное каламом верности» — вероятно, имеется в виду листок со стихами Маджнуна о Лайли или просто с именами, записанными кем-то из «верных влюбленных», последователей Маджнуна на пути любви (прим. пер.). Метафору: скорлупа (внешнее, незначимое) и ядро ореха (внутреннее, содержательное) Низами использует в поэме по меньшей мере еще один раз (Там же. С. 515).

ской любви. Очевидно, что Гёте не был известен этот эпизод из поэмы Низами, и реконструкция немецкого поэта основывается на европейском представлении о восточной любви. Трудно представить, что фарсиязычный Маджнун, стирающий имя возлюбленной, тем самым как бы эгоистически превозносящий себя в ущерб Лейли (так скорее всего интерпретировалось бы его поведение в обыденном европейском сознании), мог бы органично войти в лирический сюжет «Самого сокровенного». Он увел бы в сторону «экзотических» философских построений и далеко от цели, поставленной Гёте.

Я сейчас вам кратко перескажу сюжет «Лейли и Маджнун», чтобы вы поняли, что дальше происходит. С детства Маджнун был влюблен в Лейли (по-арабски — Лайла). Их разлучили, не дали пожениться. Маджнун обезумел от того, что ему не разрешили соединить свою судьбу с Лейли. Он убежал в пустыню и жил среди диких зверей. Он возвращался к мысли о Лейли, только когда к нему кто-то приходил и начинал рассказывать о ней. В конце концов он погибает от любви к Лейли, и Лейли погибает от любви к нему. Это история, которой посвящены многие исследования, в том числе и мои. Итак, первый эпизод, когда он стирает имя Лейли и оставляет свое имя, — первое несовпадение. Перейдем ко второму несовпадению.

Немецкий поэт в своем письме 29 января 1815 года, объясняя ключевой момент «Самого сокровенного», только усугубляет различие между положениями кодекса, которым руководствовался Маджнун Низами, и западноевропейскими представлениями о них.

Цитирую Гёте: «На Востоке, где я сейчас по обыкновению нахожусь, за величайшее счастье почитается, если имя смиренного раба хотя бы упомянут перед лицом госпожи и она это терпит. Сколько бы раз пал на колени тот, кого упомянула бы она сама»¹. Это абсолютно вопреки кодексу узритской любви, согласно которому влюбленные должны сохранять втайне имена своих избранников. В противном случае они немедленно лишаются возможности встречаться. Так, например, и произошло в истории Маджнуна и Лейли. Из-за сильной страсти влюбленные не могут скрывать своих чувств друг к другу, и их разлучают. Лейли насильно выдают замуж за другого, все заканчивается гибелью влюбленных.

В суфийской интерпретации (это мистическое направление в исламе) в литературе на языке фарси эта история и вовсе приобретает мистический оттенок. В поэме Джамии (которого Гёте относит к числу величайших фарсиязычных поэтов) «Лейли и Маджнун», написанной в 1484 году, привлекает внимание следующий эпизод. Я прочитаю его в изложении прекрасного ученого Евгения Эдуардовича Бертельса: «Однажды Маджнун встречает Лейли на дороге и падает без чувств. Она кладет его голову себе на колени и приводит его в сознание. Прощаясь с ним, она обещает, что на обратном пути поедет той же дорогой. Когда много времени спустя она снова попадает на место их

¹ Гёте И. В. Западно-восточный диван. Примечания. С. 738. Здесь мы, естественно, отвлекаемся от конкретных биографических моментов, также понуждавших Гёте к подобной интерпретации восточных представлений о любви (подробнее см.: Там же).

встречи, оказывается, что Маджнун с тех пор стоит там настолько неподвижно, что птица свила себе гнездо у него на голове. Лейли заговаривает с ним, но он не узнает ее. Когда ей наконец удается растолковать ему, кто она, Маджнун гонит ее от себя, ибо любовь так его поглотила, что внешний облик возлюбленной ему более не нужен»².

Вы представляете, что было бы с Гёте и его интерпретацией этой восточной любви в «Западно-восточном диване», если бы он знал эту вещь? Это сломало бы все представление о той восточной любви, которую он изображает. Причем, я хочу сказать, что здесь мы вовсе не собираемся как-то принизить Гёте или уменьшить его значение. Едва ли имеется необходимость говорить, что суфийская трактовка, будь она известна в начале XIX века, не могла бы устроить Гёте и западного читателя в эпоху становления романтизма. Вместе с тем восточная традиция, к которой апеллирует немецкий поэт, предоставляет в наше распоряжение, в силу своей многомерности, еще одну интерпретацию истории любви Маджнуна и Лейли, и тоже совсем не романтическую. В свое время еще академик И. Ю. Крачковский обнаружил в средневековых арабских источниках примечательное противоречие между узритской историей любви Маджнуна и Лейли и народным о ней представлением.

В труде Ибн Кутайбы (ум. в 889 г.) говорится, что «у Маджнуна имеется потомство в Неджде». Другие авторы приводят стих, также снижающий высокий пафос арабской легенды о безвременно погибших от несчастной любви Маджнуну и Лейли: «Выросли дети у Лайлы, и выросли дети ее сына, а привязанность к Лайле в моем сердце все такова же»³.

Так или иначе средневековая арабская и иранская традиции очевидным образом расходятся в рассмотренном примере с представлением о них у Гёте и современного ему европейского востоковедения.

Думается, что из сказанного можно сделать и более широкие обобщения. Отдавая должное Гёте и другим энтузиастам изучения, освоения культуры Востока, следует, тем не менее, быть крайне осторожным в оценке результатов их деятельности в плане адекватности передачи ими духа средневекового Востока. При том объеме и качестве знаний о Востоке, которыми располагала Европа в начале XIX века, едва ли было бы правомерно говорить о возможности полноценного синтеза литературных традиций Запада начала XIX века и средневекового Востока в творчестве великого немецкого поэта и его современников. Тем более невозможно говорить о прямом контакте европейской литературы начала XIX века с современной ей литературой Востока, поскольку среди восточных авторов, к которым апеллирует Гёте, нет ни одного, кто отстоял бы от него менее, чем на 300 лет.

² Гёте И. В. Западно-восточный диван. С. 284.

³ Ибн Кутайба. *Китаб аш-ши'р ва аш-шу'ра'* (Книга поэзии и поэтов). Бейрут, 1969. С. 476; *Ал-'Аскари*. Диван ал-ма'ани (Диван поэтических мотивов) : в 2 т. Каир, 1933. Т. 1. С. 281; *Ал-Валиби*. Диван Маджнун Лайла (Диван Маджнуна Лайлы). Каир, 1939. С. 90; Крачковский И. Ю. Ранняя история повести о Маджнуну и Лейле в арабской литературе // Крачковский И. Ю. Избр. соч. М. ; Л., 1956. Т. II. С. 615. Цитаты из трудов Ибн Кутайбы и ал-Валиби приводятся в переводе И. Ю. Крачковского.

Последнее рассуждение требует рассмотрения проблемы и в другом аспекте. Зададимся вопросами: «Воспринимались ли классические средневековые произведения арабских и фарсиязычных авторов как вполне адекватно передающие восточный дух и отвечающие на актуальные вопросы времени на самом Востоке в начале XIX века? Возможно ли было в тот период создавать новые произведения, оставаясь в пределах средневековой традиции без ее переосмысления в свете новых требований?»

Обратимся теперь к вектору Восток–Запад в тот же период первой половины XIX века с преимущественным вниманием к тому региону, который представлял особый интерес для Гёте, — Ближнему Востоку.

Повышение интереса Востока к Западу и, в частности, арабских стран к Европе в первой половине XIX века справедливо объясняется в первую очередь политическими и социально-экономическими причинами. Столкновение с динамично развивавшимся Западом, например такое важное событие, как экспедиция Бонапарта в Египет в 1796–1801 годах, имело для Востока важнейшие последствия, ускорив процессы, проходившие или только намечавшиеся в недрах восточного общества, создало новые условия, в которых осуществлялись культурные и литературные контакты двух регионов.

К началу XIX века отставание в темпах развития было очевидно таким дальновидным политическим деятелям мусульманского Востока, как турецкий султан Махмуд II (1826–1839), египетский паша Мухаммед Али (1805–1849), алжирский эмир Абд ал-Кадир (1832–1847) и др. Однако это отставание еще не было, по их представлениям, труднопреодолимым. Еще существовала уверенность в возможности догнать динамически развивавшиеся западные страны с помощью внедрения передовых технологий. Отсюда — стремление перенять прежде всего технический опыт Европы и меньший интерес к ее духовной культуре, внимание к достижениям буржуазной цивилизации и только затем осознание того, что она зиждется на иных идеологических основаниях. Для многих восточных стран характерно желание отделить одно от другого: принять технизм Европы и сохранить в неприкосновенности традиционную идеологическую надстройку. Более того, идеологи Востока противопоставляли собственную традиционную идеологию «порокам» западного образа жизни. В этом им, надо сказать, невольно помогали западные романтики, осуждавшие прагматический рационализм Европы и воспевавшие восточную духовность¹. Данными обстоятельностью в известной мере объясняется непоследовательность и противоречивость «западнических» устремлений восточных идеологов и литераторов.

¹ Если быть точным, то истоки подобных западно-восточных «отношений» надо искать намного раньше. Еще Монтескье (1689–1755) в «Персидских письмах» (1721) выдвинул «фигуру идеализированного мусульманина в роли критика европейских предрассудков». У Вольтера (1694–1778) этот прием повторяется в статье карманного «Философского словаря» (1764) (подробнее см.: Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 274). Позднее этот же прием (со смысловой инверсией) используют арабские авторы: иностранный путешественник будет удивляться и недоумевать по поводу тех несообразностей, которые он увидит — естественно, глазами восточных просветителей — в арабских странах.

Так, даже для наиболее развитых восточных литератур первой половины XIX века характерно сохранение в целом средневековой жанровой системы и средневековых принципов творчества². Впрочем, в этот же период в них начинают проявляться более или менее выраженные просветительские тенденции. Одним из основных стимулов восточного просветительства было осознание необходимости противостоять Европе, что нередко было связано с антиколониалистскими настроениями. Однако антифеодальная острота европейского Просвещения у восточных просветителей нередко притуплялась, а сами просветительские идеалы получали своеобразную окраску. В пропаганде этих идеалов непосредственное участие иногда принимали и традиционалисты, а позднее и религиозные реформаторы, осознавшие необходимость перемен в восточном обществе. Поэтому даже у самых последовательных просветителей на Ближнем и Среднем Востоке нельзя, как правило, найти сколько-нибудь заметных антиклерикальных идей: идеи свободы и равенства, пропаганда принципов передового общественного и политического устройства по европейскому образцу уживались с идеями мусульманского реформаторства, так же как восхищение идеями французского Просвещения — с сатирами на галломанию.

В качестве иллюстрации приведем пример самой мощной и динамичной арабской страны первой половины XIX века — Египта. Ключевая фигура в его новой истории — уже упоминавшийся Мухаммед Али. В оценке его деятельности, как правило, преобладает акцент на стремлении к обновлению страны, ее техническому переоснащению. Действительно, за время его правления была налажена внешняя торговля, построены текстильные фабрики, крупные мастерские, организовано печатное дело, сооружены ирригационные каналы и дороги, реорганизована армия, выстроены арсеналы и т. д.

Вместе с тем необходимо сказать, что трактовка Мухаммеда Али как «западника» нуждается в существенном уточнении. Проводя свои радикальные экономические и административные мероприятия, правитель Египта вовсе не собирался превращать его в страну западного типа. Встав на путь реформ раньше Турции, Мухаммед Али отказался поддержать ее правителей в проведении так называемых танзиматских (*танзимат* — преобразование. — А. К.) реформ, эпоха которых началась в Турции в правление Махмуда II (1808–1839) и была продолжена Абдул Меджидом (1839–1861). Мухаммед Али отвергал многие турецкие нововведения, видя в них лишь навязывание мусульманам христианских обычаев и порядков, вредное подражание буржуазным установлениям Европы. Насаждая интерес к европейским техническим достижениям, Мухаммед Али придерживался охранительной тенденции, когда речь заходила о европейской философии, художественной литературе и т. п.³

² Подробнее об этом см.: Тертерян И. А., Рифтин Б. Л. Введение // История всемирной литературы : в 8 т. М., 1989. Т. 6. С. 9–10.

³ Противопоставляя Египет Турции, сын Мухаммеда Али Ибрахим выступил против распоряжения турецкого султана Махмуда II о ношении европейского костюма его подчиненными: «Вместо того чтобы начинать с одежды, Порты должна была бы

Четко осознавая отставание Востока от Запада по темпам технического и научного прогресса, Мухаммед Али способствовал расширению контактов с европейцами: многие египтяне направлялись за границу для учебы и совершенствования знаний. Один из них, шейх Рифаа Рафи ат-Тахтави (1801–1873), был отправлен Мухаммедом Али в 1826 году во Францию во главе одной из учебных групп. Еще во Франции, где ат-Тахтави находился до 1831 года, он начал составление записок «Описание Парижа» (опубликованы в Египте в 1834 г.)¹. Отличительной особенностью «Описания» исследователи единодушно признают стремление способствовать прогрессу Египта и других восточных стран всеми доступными методами, в том числе и посредством пропаганды идей французских просветителей (Вольтера, Руссо, Монтескье)². Это направление своей деятельности ат-Тахтави продолжил и по возвращении в Египет, когда он возглавил в 1837 году «Школу языков», занимавшуюся в числе прочего и переводами европейской исторической литературы.

Анализируя арабские переводы «Истории Карла XII» Вольтера и «Истории Петра Великого» (опубликованы соответственно в 1841 и 1850 гг.), выполненные под эгидой этой «Школы», И. Ю. Крачковский показывает, «как много труда и энергии» требовала пропаганда философских взглядов французского просветителя в первой половине XIX века³. Доминантой отношения к произведениям французских просветителей оставался прагматический интерес как к сиюминутно полезным вещам, наподобие изобретений европейского научно-технического прогресса. Переводчик «Истории Карла XII» в своем предисловии «делает основное ударение на военных сюжетах труда»⁴, зная о том, сколь велик интерес к этому аспекту европейской цивилизации среди египтян. Другой переводчик (из той же «Школы языков») «Истории Карла V» (перевод опубликован в 1842 г.) известного английского историка В. Робертсона (1721–1793) прагматическую ценность труда заявляет в его заглавии (перевод вышел в двух частях под разными названиями): «Подарок умным царям о прогрессе общественного строя в странах Европы» и «Подарок царям времени по истории императора Карла (V)»⁵. По этой же причине ат-Тахтави наряду с переводами книг по военному и горному делу и тому подобным изучает трагедии Расина, подготавливает перевод «Приключений Телемака» Фенелона (1651–1715). Обращаясь к французской духовной культуре XVII–XVIII веков, в которой он не без

постараться просветить умы» (подробнее см.: Левин З. И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте // Новое время. М., 1972. С. 19).

¹ Приводим краткое, принятое в науке наименование этого значительного памятника, с которым читатель может теперь ознакомиться и в полном русском переводе: *Рифаа Рафи ат-Тахтави. Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже* / подгот. В. Н. Кирпиченко. М., 2009.

² Левин З. И. Указ. соч. С. 28–29.

³ Подробнее см.: *Крачковский И. Ю.* Арабский перевод «Истории Петра Великого» и «Истории Карла XII, короля Швеции» Вольтера // *Крачковский И. Ю. Избр. соч.* Т. 3. С. 374; и др.

⁴ *Крачковский И. Ю.* Арабский перевод «Истории Петра Великого» и «Истории Карла XII, короля Швеции» Вольтера. С. 373.

⁵ Там же. С. 372.

основания видел один из истоков прогресса Европы в конце XVIII — начале XIX века, ат-Тахтави остается равнодушен (даже не упоминает в «Описании Парижа») к Ламартину и Гюго (1802–1885), своим современникам, о которых он не мог не слышать, находясь в Париже.

С большой долей вероятности можно предположить, что Гюго, Ламартин и другие европейские романтики первой половины XIX столетия не воспринимались египетским шейхом как объекты просветительно-прагматического интереса, а в художественно-идеологическом аспекте и вовсе были чужды его сознанию. Вместе с тем ат-Тахтави ясно осознавал необходимость возобновления диалога с европейской культурой, прерванного в позднем Средневековье.

В первой половине XIX века художественная практика Запада и Востока характеризуется существенными стадийными типологическими расхождениями, особенно заметными на фоне «явственной тенденции к синхронизации литературного процесса», «распространения мировых идейно-художественных феноменов» в странах Западной Европы, России, Америки в первой половине XIX века⁶. Поэтому диалог двух больших регионов, завязавшийся в начале XIX века, когда европейские писатели искали вдохновения в художественных достижениях восточного Средневековья, в то время как восточные литераторы, находившиеся практически полностью в лоне поздней средневековой традиции, обращались к творчеству европейских просветителей, отличался своеобразием по отношению к взаимосвязям литератур Востока и Запада в Древности и Средневековье⁷. Последние происходили по классической схеме взаимовлияния литератур, которые можно было бы определить словами академика В. М. Жирмунского. Говоря о том, что «вливание не есть случайный, механический толчок извне», он подчеркивает: «Чтобы явление стало возможным, должна существовать потребность в таком идеологическом импорте, необходимо существование аналогичных тенденций развития, более или менее оформленных, в данном обществе, в данной литературе»⁸.

В первой половине XIX века «тенденции развития» литератур Востока и Запада нельзя охарактеризовать, как «аналогичные». В тот период в обоих векторах (Запад–Восток, Восток–Запад) вступавшие в контакт литературные явления были отделены друг от друга значительной временной дистанцией. И именно поэтому в данном случае, вероятно, вернее было бы говорить о новом виде взаимоотношений. Я ввожу для их характеристики понятие «*асинхронные литературные связи*». Новизна их состояла в том, что осуществлялись они не на синхронном срезе соответствующих литератур Востока и Запада, а через посредников, в роли которых выступали анахронические, стадийно-типологические «субституты» самих контактировав-

⁶ *Тертерян И. А., Рифтин Б. Л.* Указ. соч. С. 11–12.

⁷ Считаю возможным сослаться на не устаревшие и по сей день труды на эту тему: Типология и взаимосвязи литератур древнего мира; Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада.

⁸ *Жирмунский В. М.* Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. Л., 1979. С. 74.

ших литератур. Тем не менее важно подчеркнуть, что движение в первую половину XIX века шло одновременно с Запада на Восток и с Востока на Запад.

Историческая заслуга Гёте и других просвещенных европейских умов состоит в том, что наследие Востока вновь становится активным компонентом мировой культуры. Благодаря же наиболее дальновидным восточным мыслителям, литературы Ближнего и Среднего Востока начинают приобретать наряду с внутрире-

гиональными и межрегиональные связи, появляются признаки постепенного преодоления их былой обособленности от магистральных направлений мирового литературного процесса, возникают предпосылки для устранения стадийно-типологических различий между ними и западными литературами в будущем. Синхронизация литературного процесса в странах Запада и Востока приобретет зримые очертания в начале XX века.